

VERSION RUSSE ET THÈME

I. VERSION

Моей темой будет дружба (причем та особая дружба, которую я попытаюсь описать) — как высшая форма общественной солидарности, т. е. как добровольная свободная связь людей, избирательная, основанная на взаимной любви; искренний и прочный союз, не predetermined ни биологически (как кровное родство), ни утилитарно (об этом я скажу в дальнейшем), часто (и справедливо) противопоставляющий себя всем другим формам общности, социальности и тем не менее остающийся горизонтом (о недостижимости которого охотно говорят) для всех этих форм.

Остающийся ли? До тех пор, пока сохраняется определенная идея человека, из которой следует невозможность понимать его вне отношения дружбы. Совсем приблизительно можно сказать, что это понимание человека как существа трансцендирующего, существа, которое не совпадает со всей своей наличностью (с тем, что входит в его identity, говоря современным языком, и больше того, с самой своей физической данностью) и чувствует собственное сущностное задание в том, чтобы каким-то образом выйти из нее — «спасая» при этом и саму эту наличность — или по меньшей мере открыть ее для встречи с Другим. Именно в такой антропологической перспективе человеческое существование не может быть вполне человеческим вне отношения дружбы. Если это понимание человека и не исчезло окончательно к нашему времени, оно явно находится в критическом состоянии. Общий труд цивилизации все более и более предстает не как усилие трансцендирования или раскрытия «здешнего», а как втягивание новых и новых областей реальности в герметично замкнутый man-made мир. Предельной зоной, которую уже готовятся туда втянуть (я имею в виду успехи в области расшифровки генома и клонирования), должен стать сам человек, его физическая и психическая данность: в наших дверях стоит самодельный человек, man-made human being, реализация древнего проекта Голема. Сама максимальная замкнутость от Другого и мыслится как собственно человеческий мир. Все прочее, еще не человеческое — как некоторый ресурс, который в свое время будет применен, употреблен и потреблен. В этих условиях всякий разговор о дружбе как опыте, создающем человека, становится бессмысленным.

Итак, что здесь имеется в виду под «европейской дружбой», иначе «классической дружбой»? Та философия и практика дружбы, которая была открыта в классической античности, описана прежде всего у Аристотеля в «Никомаховой этике», Книге восьмой, затем у Цицерона — эти сочинения и стали на века «грамматикой дружбы» для европейской творческой культуры. [...] Из российских примеров этой дружбы мы сразу же вспомним лицейскую легенду Пушкина — первого в России поэта европейской дружбы (так же, как и первого у нас поэта «европейской любви»).

Друзья мои! Прекрасен наш союз.

Он, как душа, неразделим и вечен. [...]

Серебряный век российской культуры был веком классической дружбы.

Ольга СЕДАКОВА. Европейская традиция дружбы. 2007

II. THÈME

Dans l'amitié véritable, tout est clair, tout est paisible ; les paroles ont un même sens pour les deux amis.

La chair et le sang ne font point ici leurs ravages. Chacun sait ce que signifie respect de la parole donnée, discrétion, honneur, pudeur. Le plus intelligent rend ses idées familières au plus sensible ; et le plus sensible lui ouvre l'univers de ses songes. Le bilan d'une amitié, c'est presque toujours des livres que nous n'eussions pas été capables d'aimer seuls, une musique inconnue de nous, une philosophie. Chacun apporte à l'autre ses richesses. Faites cette expérience : évoquez les visages de votre jeunesse, interrogez chaque amitié : aucune qui ne représente une acquisition. Celui-là m'a prêté *Les Frères Karamazoff*, cet autre a déchiffré pour moi la *Sonatine* de Ravel¹ ; avec celui-ci, je fus à une exposition de Cézanne, et mes yeux s'ouvrirent comme ceux de l'aveugle-né².

Mais les jeunes hommes sont redevables les uns aux autres d'acquisitions plus précieuses : le souci de servir une cause qui nous dépasse, que cela est particulier à la jeunesse dès qu'elle se groupe ! Tous les mouvements sociaux, politiques, religieux, ont marqué notre époque dans la mesure où ils ont été des amitiés. [...]

Nos jeunes amours ne nous ont-elles aussi enrichis et instruits ? Nos maîtresses ne furent-elles nos meilleurs maîtres ? Il est vrai. N'empêche que l'héritage de nos amours est plus trouble que celui de nos amitiés.

François MAURIAC, *Le Jeune homme*, (1925).

¹ La *Sonatine* de Ravel : «Сонатіна» Равеля.

² Il s'agit de l'aveugle-né de l'Évangile : слепорождённий.